

Букарева Н. Ю.

**СВОЕОБРАЗИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ТЕМЫ В ПОВЕСТИ Л. Д. РЖЕВСКОГО
"...ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ"**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 28-31. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Значение возникает из взаимодействия духовной основы человека с миром и имеет опытную природу. Значение – это сущностное свойство знака, и единственный способ, которым мы узнаем действительное значение знака, стоит в опыте его употребления, но не употребления вообще, а употребления по назначению.

Список использованной литературы

1. **Аристотель.** Об истолковании: Сочинения в 4-х т. - М.: Мысль, 1976. - Т. 2. - 687 с.
2. **Блаженный А.** Против академиков. - М.: Греко-латинский кабинет Ю. Ф. Шигалина, 1999. – 191 с.
3. **Кравченко А. В.** Знак, значение, знание. - Иркутск, 2001. – 261 с.
4. **Пирс Ч. С.** Логические основания теории знаков. - СПб.: Алетея, 2000. – 349 с.
5. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики. - Екатеринбург, 1999. – 425 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ТЕМЫ
В ПОВЕСТИ Л. Д. РЖЕВСКОГО «...ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ»

Букарева Н. Ю.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Леонид Денисович Ржевский (Суражевский, 1905-1986) - один из самых значительных прозаиков второй волны русского зарубежья. Ржевский являлся также блестящим литературоведом, ему принадлежат работы о поэтике Б. Пастернака, М. А. Булгакова, И. Бабеля, А. И. Солженицына и других русских писателей. В 2000 году состоялась первая публикация сборника его художественных произведений в России; в книгу вошли романы «Между двух звезд» и «Две строчки времени», «Сентиментальная повесть», рассказы «Сольфа Миредо», «Рябиновые четки» и др. Повесть Л. Ржевского «...показавшему нам свет» была опубликована в 1960-м году в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне), в нашей стране не издавалась. По свидетельству Валентины Синкевич (поэтессы и критика, близко знавшей Ржевского), сам автор считал эту книгу «лучшим своим произведением» [Синкевич 2000: 13]. Еще один немаловажный факт, подтверждающий это: «Агния Сергеевна Ржевская похоронила мужа на русском кладбище Ново Дивеево в штате Нью-Йорк. На православном кресте над именем Леонида Денисовича Ржевского выгравирована строчка молитвы, словами которой он озаглавил свой любимый роман: «Слава Тебе, показавшему нам свет» [Синкевич 2000: 20].

В повести писатель обращается к военной тематике. Временной диапазон событий небольшой - с марта по октябрь 1945 года, т.е. самый конец войны и первые послевоенные месяцы. События разворачиваются в Баварии, куда в больницу попадает главный герой повести Вятич - бывший военнопленный, который, как и другие персонажи этого произведения, не возвращается на родину, а остается в Германии, справедливо опасаясь репрессий или расстрела.

Изображения военных действий в тексте нет совсем, их отголоски лишь упоминаются. Однако именно война - та сила, которая определила участь героев повести. Главный персонаж Вятич и рассказчик Петрович по ее вине оказались в плену, затем они «вместе выкарабкались из-за проволоки для так называемой «культурной работы» на разоренной земле: составляли эстрадные группы, сами сочиняли и ставили разные развлекательные пустышки» [Ржевский 1960: 7]. Война сыграла роль и в судьбах двух женских образов повести - они были вывезены немцами на территорию Германии в качестве рабочей силы: Мара из Гомеля, Аннушка - из Подмоскovie. Наконец, война послужила причиной тех тяжелых заболеваний, которые пришлось перенести Вятичу, и одновременно - переосмысления им ценности жизни. То есть война является той доминантой, которая определила те или иные переживания и испытания героев Ржевского, той основой, на которой сформировалось их мировоззрение.

Сюжет в произведении ослаблен, не на событийном ряде сфокусировано внимание писателя, его можно пересказать несколькими предложениями. Вятич, бывший военнопленный, заболевает туберкулезом легких и горловой чахоткой - диагноз смертельный. Он оказывается в лазарете, где знакомится с юной русской девушкой Аннушкой, которую немцы в самом начале войны насильно вывезли в Германию на работы. Любовь, возникшая между ними, во многом и стала причиной чудесного, неожиданного даже для врачей выздоровления Вятича.

Произведение имеет подзаголовок: «оптимистическая повесть». Он задает совершенно определенное восприятие происходящего: читателю изначально понятно, что, каковы бы ни были испытания героя, его судьба сложится благополучно. Ржевский делает это осознанно: в авторскую задачу не входит показ неожиданных, удивительных событий, он не стремится заинтриговать читателя неожиданной развязкой или поворотом сюжета, у него совершенно иная установка - показать, в чем истоки этого счастливого исхода, какие причины позволили сложиться обстоятельствам так, а не иначе. Основное в повести - внутренняя жизнь героя, его рефлексия, передача состояния человека, стоящего на пороге смерти и нашедшего в этом земном мире то, что спасает его.

Произведение строится как рассказ в рассказе. Два самостоятельных повествователя с разных сторон оценивают одну и ту же ситуацию выздоровления смертельно больного. В то же время оба они являются одновременно и активными действующими лицами. Первый из них - Петрович (у него нет ни имени, ни фамилии, друзья называют его по отчеству), его рассказ об истории Вятича, который ведется от первого лица, занимает большую часть произведения (начало первой, вторая и третья части). Второй рассказчик - сам Вя-

тич, он непродолжительное время ведет записи о своем состоянии, о том, как в его душе постепенно рождался страх смерти и о том, как он его победил. Свои заметки он называет «Две недели, или укрощение страха» (они составляют основу первой части произведения).

Повесть имеет четко выраженную автобиографическую основу. Сам Ржевский, находясь в лагерях для военнопленных в 1941-1942 гг., заболевает туберкулезом, в конце 1944 года, в связи с обострением болезни попадает в госпиталь на территории Германии, сначала в Дрезден, затем недалеко от Мюнхена. «Несмотря на приговор врачей о двух-трех неделях жизни, больной выжил. Как он сам считает, этому способствовала разыскавшая его вторая жена Агния Сергеевна Шишкова (ставшая ему другом, помощником и опорой на всю оставшуюся жизнь)» [Агеносов 1998: 459]. Можно рассматривать Вятича как автобиографического персонажа, предельно сближенного с автором, в его рассказе о страхах и переживаниях, которые выпали на его долю, во многом отражены ощущения самого писателя. Этим объясняется психологическая убедительность, достоверность передачи эмоций и мыслей героя.

Однако и второй рассказчик, Петрович, на наш взгляд, наделен чертами автобиографического героя. С его образом в произведение входит важная для Ржевского тема творчества. Герой-писатель является центральным персонажем многих творений Л. Д. Суражевского (в «Сентиментальной повести» (1954), в романе «Две строчки времени» (1976), в повести «Двое на камне» (1956), в позднем романе «Бунт подсолнечника» (1981)). Петрович - еще несостоявшийся писатель, только задумывающийся о возможности им стать и решающий взять в основу произведения сюжет о жизни Вятича.

В повести писатель противопоставляет два типа мироощущения человека: скептическое (Петрович) и оптимистическое (Вятич); остальные черты персонажей не столь важны для писателя. Образ Вятича показан в становлении. Постепенное изменение мировоззрения героя передано, в первую очередь, в его записках. Он сам называет свой рассказ «Две недели, или укрощение страха». Пишет он «задним числом»: разбирает то, что произошло с ним две недели назад. Эта временная дистанция позволила проанализировать события, четко сформулировать познанные ощущения и переживания. Ржевский показывает постепенное нарастание страха в душе героя, фиксирует его основные «стадии».

Когда герой узнает, что у него начался процесс в обоих легких, страха не испытывает. Более того, он даже был рад отправке в тыл, в Дрезден, в госпиталь. Страх появляется, когда он узнает все подробности о горловой чахотке, о том, что она неизлечима и конец его очень скор и неминуем. К этому страху прибавляется и другой - невозможность не думать о близкой смерти. Потом приходит жалость к себе, самая «обидная и тяжелая», доводящая до слез, «жалость покинутости». Затем приходит отчаяние: Вятич случайно услышал разговор доктора с медсестрой о том, что его положение безнадежно - ему осталось жить не более двух недель. С этого момента герой смиряется с мыслью о неизбежности смерти, он перестает жить в реальности, погружаясь в мир воспоминаний.

Одно из самых тяжелых состояний героя, которое он испытывает, обращаясь к прошлому, - «стыд и р а с к а я н и е». «...в преступлениях подневольных и тебе самому в момент свершения омерзительных каяться тяжело. Здесь ведь каешься больше не в том, что ты сделал, а в том, что недостало у тебя мужества сопротивляться... «Кто - за то, чего он никак не думает и считает гнусным, - прошу поднять руку?» И руки ползут вверх... Здесь уже не раскаяние, здесь с т ы д, иногда такой острый, что стискиваешь зубы и готов застонать, как если где-нибудь в полевой операционной вытаскивают у тебя из спины пинцетом рваный гранатный осколок...» [Ржевский 1960: 47]. Один из «осколков» - воспоминание Вятича о честнейшем старике-профессоре, «разоблаченном как...», о том, что не нашлось внутренней силы не голосовать, как все, против своих убеждений, против своей совести. «Тут бы закричать во весь голос, отчаянно: «Не я... нет! Я против!»... Но Лернейская гидра нашего времени, в отличие от той, которую задушил когда-то Геракл, требует непременно одобрения себе и анафемы жертвам. И рука ползет вверх» [Ржевский 1960: 48]. «В ползущих руках - образ пресмыкающейся гадины. Позже в литературоведческой статье Ржевский назовет этот образ «пилатовым грехом», то есть грехом трусости, трусости не на поле брани, а экзистенциальной, социально-бытовой» [Синкевич 2000: 14]. («Пилатов грех. О тайнописи в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», - критическая работа, в которой Ржевский доказывает, что прокуратор Иудеи чувствует вину за непротивление злу, за «умовение рук». Ржевский полагает, что Понтий Пилат символизирует русскую интеллигенцию, которая не решилась на открытое сопротивление общественным установкам.)

После этого голосования герой видит дочь профессора, к которой не находит сил даже подойти. «Потом долго, почти до рассвета, хожу по пустым переулкам, думаю не о том, что кого-то только что предал, а о том, что предал с е б я и - как буду жить, потеряв что-то самое важное, без чего я уже не я, каким привык себя знать, а другой...». Так в произведении появляется еще одна тема, которая является сквозной в творчестве Ржевского, - «репрессий 20-40-х годов в СССР и порожденного ими *страха*» [Агеносов 1998: 461]. Эта тема - основная в таких произведениях, как «Сентиментальная повесть», «Сольфа Миредо», «За околицей», «Звездопад». Ни один из героев Ржевского не находит в себе сил сопротивляться или хотя бы не поддаться законам времени и общества, все они оказываются побежденными «лернейской гидрой».

С этой темой связана «глубоко русская» (по определению В. Синкевич) тема раскаяния (она характерна для всей классической русской литературы XIX-го века; для творчества Ф. М. Достоевского, в первую очередь). Именно эта тема завершает записки Вятича, являясь таким образом некой кульминацией его размышлений о жизни. Звучит открытый авторский призыв к читателям: «Люди, братья, дорогие, хорошие! Грешите, если не можете не грешить по общей нашей человеческой слабости! Творите себе кумиры, прелюбодей-

ствуйте, изрекайте на други своя свидетельства ложны! Друг простит предавшего его, предатель может раскаяться. Но бойтесь предать с а м и х с е б я, свободную свою душу и волю! Предать самого себя - самое тяжкое преступление, потому что прощать его уже некому и раскаяться н е ч е м...» [Ржевский 1960: 48-49]. Здесь очевидна оппозиция Ржевского по отношению к главным христианским заповедям. Он отрицает те грехи, которые православие возводит в ранг основополагающих, и утверждает, что самым страшным является преступление против своей совести.

В записках Вятича показывает Ржевский начало духовного и физического возрождения героя. Важную роль в этом играет образ медсестры-монашенки. Сестра не только ухаживает за больным, но, главное, пытается возродить в нем веру и надежду. С этим образом писатель впервые вводит в повесть религиозную тематику. Она произносит те слова, которые заставляют Вятича по-иному посмотреть на жизненные закономерности: «Врач не Бог... Не он отмеряет нам дни» [Ржевский 1960: 39]. Именно она заставляет больного выйти из палаты и вспомнить, что есть живой мир - мир природы, весна, пробуждающая жизнь. Так для главного героя открывается еще одна спасительная сила - сила природы.

Пейзажей в повести очень много. В этом произведении проявляется талант Ржевского как безусловно талантливому мастеру пейзажных зарисовок. Именно природа заставляет героя Ржевского не думать о смерти, просто забыть о ней и пропустить тот день, который врачи пророчили ему как последний. Соединение этих двух сил: природы и осознания божественного происхождения мира - и дает герою надежду на то, что он будет жить.

Христианские мотивы звучат практически в каждом произведении писателя. Герои Ржевского приходят к вере постепенно. Вера в Бога помогает Вятичу выжить. Именно эта идея заключена в названии повести. Оно взято из слов молитвы, которую слышит главный герой в церкви: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Однако философские и религиозные рассуждения, вложенные писателем в слова Вятича, далеки от ортодоксальной церковной морали. Так, герой Ржевского отрицает ценность загробной жизни, бессмертие души. «Для меня Бог - жизнь, а не смерть...» [Ржевский 1960: 67]. Для Вятича «свет» - это земная жизнь, с ее мирскими радостями и красотой окружающего мира, который, сотворенный Богом, прекрасен и совершенен всегда.

Таким образом, постепенно герой повести проходит путь от отчаяния, от осознания неизбежности смерти к надежде, что он будет жить. Этот трудный путь и отражен писателем в форме дневниковых записей персонажа.

Во второй и третьей частях повести Вятич является лишь действующим лицом, повествование ведется от лица Петровича. Но внимание автора по-прежнему сосредоточено на дальнейшем воскрешении главного героя. И здесь, в первую очередь, важными являются не столько описания рассказчика, сколько приводимые им развернутые монологи Вятича. В этих частях произведения нарастает лирическое начало. Происходит это, с одной стороны, благодаря пейзажным зарисовкам, а с другой, - усилению любовного сюжета, который является в этой повести основным. Любовь, по Ржевскому, - та сила, которая спасает человека в любых условиях, помогает ему выжить, найти смысл существования. Любовь юной восемнадцатилетней Аннушки дает Вятичу силы сопротивляться казавшейся неизбежной смерти.

Ржевский изображает юную, неопытную, не получившую полного образования девушку, но при этом наделенную нравственной силой, глубокими чувствами, самоотверженностью, настойчивостью. Она ухаживает за больным Вятичем, не боясь заразиться смертельными бактериями, она ищет квартиру, куда бы они могли переселиться после выписки из лазарета, осознавая, что весь груз бытовых забот придется нести только ей, она выходит замуж за человека, который почти вдвое старше ее, не боясь его страшных диагнозов - и все это из любви.

Ржевский утверждает, что любовь - та сила, которая способна спасти человека в любых невзгодах, помочь выстоять в любых испытаниях; любовь, по Ржевскому, сильнее смерти. Повесть, таким образом, находится в русле основных идейно-философских исканий писателя, в каждом своем произведении утверждающего особую концепцию жизни как абсолютной неоспоримой ценности.

Однако в образах героев повести (несмотря на биографическую основу произведения) Ржевский запечатлел судьбу не столько конкретного человека, сколько целого поколения людей (составивших основу второй волны эмиграции), волею судьбы оказавшихся в вынужденной эмиграции. Писатель показывает, что война была не только героическим событием для русского народа, это, в первую очередь, трагедия для сотен людей, оказавшихся вычеркнутыми из истории, из памяти русского народа, долгое время на Родине считавшихся предателями, коллаборационистами; людей, которые не по своей вине были вынуждены принять для себя мучительное решение остаться по окончании войны в Германии, а не вернуться на Родину, спасая в условиях сталинской политики по отношению к военнопленным не только свою жизнь, но и жизни своих близких.

Список использованной литературы

1. Агеносов В. В. Леонид Ржевский (Суражевский): Две строчки времени / В. В. Агеносов // Агеносов В. В. Литература Russkogo зарубежья. - М.: Terra Спорт, 1998.
2. Ржевский Л. Д. «...показавшему нам свет» (оптимистическая повесть). - Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1960. - 139 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕТОДА ФОРМАЛИЗАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Вакуленко Н. С.

Балтийская академия туризма и предпринимательства

Такие явления, как человек, общение, язык и формализация представляют собой системные явления. Чем полнее знания системы, тем более отчетливым является представление о ее фактах, а отсутствие системного взгляда равносильно видению нерасчлененного фактологического пространства. Известно, например, что человек не способен членить речевой поток незнакомого языка, а студент при чтении текста на иностранном языке часто оказывается глухим и слепым к тем опорам и подсказкам, которые ему предлагаются самим текстом, и соответственно процесс обучения становится сложным и мучительным.

Миссия преподавателя в процессе обучения двусоставна по своей сути. Если первый ее компонент очевиден - это обучение тем или иным предметным знаниям, то второй компонент не столь очевиден, особенно если говорить об обучении взрослой аудитории. Этим вторым компонентом является облегчение процесса обучения. Одно из средств, существенно помогающих в этом, - формализация. Формальные методы полезны для каждой науки, особенно в той ее части, где речь идет о классификациях и установлениях связей между явлениями. В теории обучения формальные методы - это «сжатые» методы описания, с одной стороны, организации учебного процесса, а с другой - содержания, т.е. передаваемой информации. Информация при обучении иностранным языкам разнообразна, но включает в основном три потока данных: лингвистический (о структуре, фактах и правилах функционирования языка), инструктивный (о способах переработки информации) и фактологический (культурные, страноведческие, общественно-политические и т.п. факты). Формальный метод (передачи и представления) применим к первым двум.

Под формализацией понимается метод обучения, сущность которого состоит в управлении мыслительным процессом обучающегося (студента) при переходе с иностранного языка на русский и обратно на основе выбора решения по формальному признаку и в зависимости от выполнения определенного условия (если ... то ...). Формальным признаком может быть сигнал любого рода, более или менее формальный сам по себе, например: слово или словосочетание, позиция слова, описание содержательного момента (как правило, в кратком виде), - или комбинация нескольких признаков. Этот метод направлен на усвоение информации (знаний), на формирование и развитие навыков и умений, таких, например, как распознавание и образование определенных видов грамматических форм, а также усвоение их значений. В принципе, формализация здесь (в противоположность математике) понимается очень широко - как замещение некоторого содержания формой (чаще всего в целях компрессии изложения).

Метод формализации (или формальный метод) имеет достаточно глубокие корни в дидактике, наиболее ярко выразившиеся в модельном методе, в методе опорных сигналов, в программированном обучении и др. (60-70-ые годы прошлого века), при этом всегда отмечалось, что формализация не должна допускать догматизма, ведущего к сужению мышления, и не отменяет других методов обучения.

«Участниками» процесса обучения являются обучающий (метод), обучаемый и информация. Сложность отношений между ними состоит в том, что при системном взгляде на них в процессе их взаимодействия оказывается, что обучение не сводится только к передаче информации (к обмену ею) и по сути представляет собой движение от интуиции через систему к факту, т.е. из собственной системы через общие источник и систему в собственную систему [Вакуленко 2001]. Общий источник и систему - надо искать, узнавать и выстраивать. Этот процесс тем проще, чем лучше учащийся осознает как систему свой родной язык. Однако этот процесс усложняется тем, что несет в себе две противоположные тенденции: обучение формализующему началу и обучение его разрушению (в начале обучения - через усвоение исключений, в «конце» - через свободу от осознанно регулярного обращения к правилам). Обучение формализующему началу может происходить двояко: с использованием уже существующих формализмов (доказавших на практике свою методическую универсальность, т.е. пригодность в смысле легкого и эффективного усвоения их большинством учащихся) и с использованием собственных формализмов (связанных с индивидуальной эффективностью преподавателя). С этим связан и тот факт, что необходимо не только предлагать формализмы студентам, но и обучать процессу формализации: обучать аналитической технике языкового материала и умению закреплять информацию в собственных формализмах. Иными словами, необходимо апеллировать к интуиции через формализмы, чтобы «снять» у человека сопротивление к «чужой» формализации (системе, языку) и открыть доступ к собственным творческим резервам в этом направлении (формализации).

Почти никогда в области дидактики формальные средства, включенные в описание языка, не образуют искусственный язык. Чаще всего их объединяют в условную систему, сохраняющуюся в определенных границах (например, какого-то пособия). Однако анализ 100 отечественных и 70 зарубежных учебников и пособий по английскому языку и 30 отечественных учебников по другим иностранным языкам показывает, что большое число выявленных типов и элементов формализмов [Вакуленко 1998] переходят из текста в текст, независимо даже от языка. Кроме того, налицо не только внешняя, оформляющая функция этих элементов, но также и структурирующая текст, а в определенных случаях и высказывания. Учитывая это, а также тот